

УДК 821.161.1

Сергей Борисович Борисов
г. Шадринск

Семантика образного строя книги А.А. Кардашовой «Наш доктор»

В статье осуществлён анализ образного строя стихотворной книги А.А. Кардашовой «Наш доктор» (1958). Автор доказывает, что, в книге, внешне повествующей о девочке, попавшей в больницу, художественными средствами фактически конструируется образ мира, основанного на мотиве бескорыстного служения и лишённого мотивов мещанского благополучия.

Ключевые слова: русская детская литература, семантика, детская литература советского периода, литературный образ, антимещанский пафос, идея бескорыстного служения, образ девочки.

Sergey Borisovich Borisov
Shadrinsk

Semantics of the figurative structure of A.A. Kardashova's book «Our Doctor»

The article analyzes the figurative structure of A.A. Kardashova's poetic book «Our Doctor» (1958). The author proves that in the book which tells about a girl who got to the hospital, an image of the world is actually constructed by artistic means based on the motive of selfless service and devoid of motives of petty-bourgeois well-being.

Keywords: Russian children's literature, semantics, children's literature of the Soviet period, literary image, anti-Christian pathos, the idea of selfless service, the image of a girl.

Писательница Анна Алексеевна Кардашова (1908-2004) прожила без малого сто лет, застала правление Николая Второго, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, М.У. Черненко, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, В.В. Путина.

А.А. Кардашова была автором нескольких десятков детских (и взрослых) книг. Но преобладающая их часть была издана по одному разу, некоторые однократно (или двукратно) переиздавались, но быстро забывались, так как не были, по-видимому, скольконибудь заметным образом востребованы читателями.

Бросим сначала обзорный взгляд на книги для маленьких. В 1958 году была издана повесть А. Кардашовой для дошкольников «Ты – замечательный мальчик». Более не переиздавалась. В 1959 году была издана книга стихов А. Кардашовой «В зоопарке малыши». Более не переиздавалась. В 1960 году была издана книга стихов А. Кардашовой для детей дошкольного возраста «Который час?». Была однократно переиздана в 1967 году. В 1961 году была издана книга стихов А. Кардашовой «В нашем переулке» – для детей дошкольного возраста. Более не переиздавалась. В 1965 году для детей дошкольного возраста была издана повесть А. Кардашовой «Белый баран». Более не переиздавалась. В 1966 году для детей старшего дошкольного возраста была издана книга А. Кардашовой «Колочие братцы». Более не переиздавалась. В 1971 году была напечатана книжка-картинка А. Кардашовой «А ты такой?». Она была переиздана в 1973 году и больше не переиздавалась. В 1971 году была книжка А. Кардашовой «Что сажали, что возшло». Больше не переиздавалась. В 1972 году

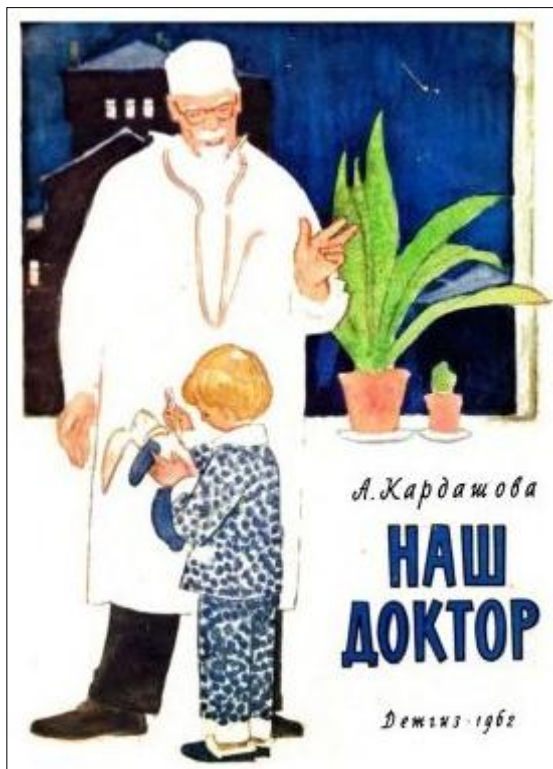

была напечатана книжка-игрушка А. Кардашовой «Это мы». Больше не переиздавалась.

Были у А.А. Кардашовой написаны и изданы и книги для школьников. В 1960 году тиражом 90 тысяч экземпляров была издана книга А. Кардашовой «Большой день в жизни Кости» для детей среднего школьного возраста. Не переиздавалась. В 1961 году тиражом 98 тысяч экземпляров была издана книга А. Кардашовой «День начался» для детей школьного возраста. Более не переиздавалась. В 1964 году издательство «Молодая гвардия» тиражом 60 тысяч экземпляров издало для детей среднего школьного возраста книгу рассказов об Англии А. Кардашовой «Горячий чай». Более книга не переиздавалась.

А.А. Кардашова писала и прозу не для детей. В 1978 году скромным тиражом 30 тысяч экземпляров был напечатан роман А. Кардашовой «Год». Более не переиздавался. В 1983 году скромным тиражом 30 тысяч экземпляров был напечатан «взрослый» роман А. Кардашовой «Адмиралтейская игла». Больше не переиздавался. В 1986 году отдельной книгой была издана стотысячным тиражом повесть А. Кардашова «Начало осмотра». Более не переиздавалась

Иная ситуация с её книжечкой «Наш доктор». В 1958 году Государственное издательство Детской литературы Министерства Просвещения РСФСР в серии «Мои первые книжки» тиражом 210 тысяч экземпляров выпустило 24-страничную книжку А. Кардашовой «Наш доктор» [3]. По-видимому, книга вызвала читательский интерес, и спустя два года, в 1960 году, его попытались удовлетворить, переиздав книжку тиражом 200 тысяч

экземпляров. Но тиража явно не хватило, и в этом же (!) же году книгу переиздали тиражом 1 000 000 (один миллион) (!) экземпляров. Спустя два года, в 1964 году, книгу издали умеренным тиражом – 300 тысяч экземпляров. Казалось бы, тираж указывает на то, что дело идёт к постепенному затуханию интереса, но в 1967 году книгу переиздают даже не миллионным, а полуторамиллионным тиражом. Но в 1972 году и такой тираж показался недостаточным, и книжку издали фантастическим тиражом 1 миллион 800 тысяч экземпляров. Таким образом, за полтора десятилетия книга Кардашовой «Наш доктор» была издана совокупным тиражом более 5 000 000 (пяти миллионов) экземпляров! Рассмотрим образный строй данной книги.

«Титульным» (заявленным в названии) главным персонажем книги является пожилой доктор (доктор детской больницы), фактическим же главным персонажем является попавшая в больницу девочка Катя. Думается, благодаря образу Кати (по-видимому, девочке 6–7 лет) книга

и обрела такую популярность. Никаких особых отклонений от советских нравственных норм Катя не допускает. Тем не менее, в повести можно проследить её известную нравственно-поведенческую эволюцию – от девочки, ставящей в центр своей жизни собственные (вполне естественные) страхи, предпочтения и желания, до девочки, способной в известной степени «властвовать» (управлять) собой, внимать разумным доводам и самой осуществлять помощь другим.

Замеченной нами художественной особенностью этой небольшой книжки является сознательное или бессознательное конструирование автором образа особого, можно сказать, «внесоветского» (не антисоветского, а именно лишённого признаков советскости) мира (хронотопа). Напомним, что А. Кардашова пребывала в возрасте героини книги до

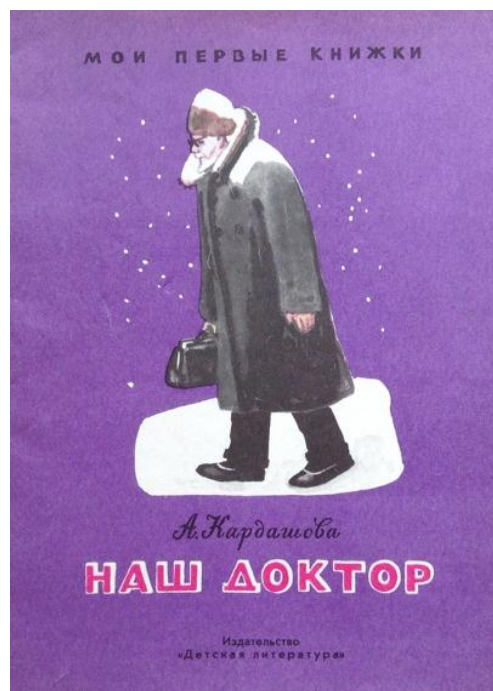
революции (!), и, возможно, именно опорой на собственный жизненный опыт объясняется тот потрясающий эффект глубинного достоверного присутствия в этом лишённом официозного энтузиазма, бодряческой идеологии, поучительно-назидательной интонации мире, который, вероятно, и вызвал такой ажиотажный спрос на книгу.

Рассмотрим книгу с рисунками подробнее. В данной книге образ девочки создаётся не только и не столько прямыми описаниями девочки, а совокупностью деталей, которые рожают атмосферу интереса, увлекательности, занимательности, желания следить за «судьбой», казалось бы, малоинтересной героини.

Итак, начнём с того, где и когда происходит действие книги. Оно происходит не в советской стране, не в городе, не в деревне, не в лесу, не на берегу моря... А. Кардашова обозначает начальное место действия как некий «посёлок», в котором находится завод. Автор уклоняется от описания завода и даже от указания на характер его деятельности. Нет ни одной фразы о (добросовестных, сознательных) рабочих, трудящихся на станках, о продукции завода, необходимой (советским) людям, (социалистическому) обществу, о красном знамени, развевающемся на крыше (трубе) завода. Это какой-то «чуждый» автору и героям стихотворной повести завод. Какой-то не советский (несоветский) завод. Это какое-то живое существо, которое «всё шумит и шумит, трубами в тёмное небо дымит» – какой-то аналог сказочной (живой) избушки на курьих ножках. Или огнедышащего Змея-Горыныча... Итак, в порядке рабочей гипотезы уподобим место действия сказочному времени-пространству, «тридевятому царству, тридесятому государству», времени «царя Гороха». Не обозначим, а уподобим, чтобы легче было «одолевать» текст.

Во второй главке впервые появляется героиня – её трижды именуют «Катенька» и дважды «Катя». Имя Катя в российском контексте историко-семантически весьма насыщено. Тут слышится и Екатерина Вторая, и названная в честь неё денежная купюра («катенька»), и обрусевшая шарманка («шарман Катрин»), и «луч света в тёмном царстве» Катерина из «Грозы» А. Островского) и популярная полька начала XX века ««Что танцуешь, Катенька?» / «Польку, польку, папенька...»» [2, с. 280], и «толстоморденькая» Катя из поэмы А. Блока «Двенадцать», и выходящая на высокий крутой берег выходящая на высокий берег всенародно любимая Катюша из песни на слова М. Исаковского... Таким образом, уже имя героини обволакивает читателя родными, привычными для отечественного слуха ассоциациями.

В главке «Катенька больна» девочка описывается не как субъект действия и даже не как носитель каких-то определённых внешних данных (черты лица, цвет волос, одежда), а как находящееся без сознания существо и объект воздействия других лиц. Вся главка насыщена беспорядочно рассыпанными «вещественными», ёмкими бытовыми подробностями, при этом толкования, социальной оценки этим приводимым подробностям не даётся, поэтому у читателя остается простор для бессознательно-автоматического домысливания, для угадывания того, что автором предметно обозначается, но не разъясняется... Итак, обратимся к первым словам главки: «Катеньке плохо. В тревоге весь дом. / Лампа завешена тёмным платком, / Толстой подушкой накрыт телефон, / Мама в стакан выжимает лимон, / Бабушка липовый чай заварила, / Катеньку шубой тяжелой накрыла. / Может, поможет ей скипидар? / Катеньке плохо, у Катеньки жар».

Итак, что мы имеем? Девочка Катя с высокой температурой лежит под тяжёлой шубой... Наличие тяжёлой шубы – знак известной материальной состоятельности. Мама в стакан выжимает лимон... Лимон для России во все времена – фрукт экзотический. Не во всякой бакалейной лавке (бакалейном отделе магазина) его купишь. Не можем утверждать со стопроцентной уверенностью, но вполне возможно, что наличие в обиходе семьи лимона тоже как-то свидетельствует об известной материальной состоятельности Катиной семьи.

Наконец, телефон... Стационарный телефон в течение десятков лет – и до революции, и в советское время – был признаком некоторой социальной избранности, статусной отмеченности. Телефон устанавливали в квартире исходя не из материального достатка проживающих, а руководствуясь какими-то непроговариваемыми контекстуально определяемыми факторами. Ещё можно было бы понять наличие телефона в коммунальной квартире, то есть в квартире, где один телефон приходится на несколько семей, живущих в отдельных комнатах квартиры. Но в стихотворной повести Анны Кардашовой ничего не упоминается о соседях по квартире. Следовательно, Катина семья живёт в отдельной (не коммунальной) квартире, оснащённой телефоном???

Читаем далее: «Звонок! Ну вот как хорошо, / Наш доктор наконец пришёл». Таким образом, квартира оснащена не только телефоном, но и звонком... Кто же обладатели этой квартиры? «Бабушка и мама»... О судьбе отца девочки ничего не говорится... И это очень «затемняет» дело... Предположим, отец девочки – начальник цеха или главный инженер завода... Тогда понятным становится происхождение отдельной квартиры, тяжёлой шубы, лимона, телефона, дверного звонка... Но в книге ничего не говорится о том, что её отец – работник завода... Предположим, что он погиб на войне (1914–1918 или 1941–1945 гг.). Но тогда он был простым солдатом, и становится неясно, на каких основаниях вдова рядового солдата живёт в отдельной квартире с телефоном...

Но если мы имеем дело со сказочным (по природе) хронотопом (М. Бахтин), со сказочным «пространственно-временным смысловым континуумом», то вопрос о строгой социальной обоснованности конкретной ситуации жёстко стоять не может. Важно наличие не способного постоять за себя юного лица женского пола, за которую не может вступить ни отец, ни старший брат. Можно говорить о присутствии в ситуации латентного мотива-архетипа безотцовщины, брошенности, незащитности, сиротства применительно к маленькой девочке.

Читаем дальше: «Звонок! Ну вот как хорошо, / Наш доктор наконец пришёл! // Он снял пальто, надел халат. / “Сюда пройдите, прямо”, – / С надеждой на него глядят / Бабушка и мама. // У Кати пересохли губки, / Она не открывает глаз...» [4, с. 6].

А здесь впервые включается сюжетно-семантическая «подсветка» текста общеизвестным (в течение нескольких десятилетий входившим в число подлежащих обязательному изучению в школе) стихотворением Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки» (1932): «Говорить не можешь, губы горячи, / Над тобой колдуют умные врачи...» [1, с. 198]. И в «Смерти пионерки», и в «Нашем докторе» действуют врачи, тяжёло болеющая девочка и её мать.

Что же происходит дальше? «“Ну что ж... Придётся лечь в больницу, / Серьёзно Катенька больна, – / У мамы дрогнули ресницы: “Там будет тосковать она...”» [4, с. 7, 9]. Доктор успокаивает мать: «И не волнуйтесь так, мамаша, / Здорова будет Катя ваша» [4, с.9]. На этих словах действие обрывается. О том, как попадает Катя в больницу, автор не сообщает.

А. Кардашова запускает в работу ещё один русской культурный известный каждому со школы архетип: пожилой мужчина (Черномор) «похищает» со спального ложа и увозит за пределы дома юную незамужнюю представительницу женского пола (Людмилу).

Кроме того, начинает работать ещё один сказочный архетип, открытый Проппом: в сказке герой должен переместиться (перенестись) из начального (домашнего) пространства в иное. Итак, в первой главке искусное перо Анны Кардашовой преобразовала безмолвную

девочку в героиню волшебной сказки, перенесённую в чужое пространство, законов которого он не знает.

Располагает к себе, заставляет читателя проникнуться доверием и сочувствием к юной девочке третья глава, где девочка, унесённая из дома в бессознательном состоянии в «неведомое далёко», плачет: «Когда проснешься ты не дома, / Когда кругом всё незнакомо, / И стены белые, и свет, / И бабушки, и мамы нет, / Тут невозможно не заплакать, / Тут слёзы сами будут капать» [4, с. 9]. В известном смысле, плача, Катя нарушает нормы поведения. На первых порах справиться с «нарушением нормы» Кате помогает няня: «Под спинку, под бочок, под пятки / Мы одеяло подвернём. / Ну, вот и славно, всё в порядке, / теперь усни спокойным сном» [4, с. 10-11]. Она фактически сообщает Кате и «алгоритм» правильного (прагматичного и «морального» одновременно) поведения в больнице: если будешь соблюдать принятые в больнице правила поведения («если крепко будешь спать»), быстрее выздоровеешь («скорей пойдёшь домой»)...

В четвёртой главке («В палате – обход») Анна Кардашова вновь запускает режим переключки с уже упоминавшейся поэмой (стихотворением) «Смерть пионерки»: «Доктор ходит по палате... Приложил ко лбу ладонь – / Лоб горячий, как огонь! / Кате жарко и неладно, / И знобит её слегка... / Врач лекарства назначает... / Катя плохо различает / Над собою голоса» [4, с. 11–12]. Сравним у Эдуарда Багрицкого: «Белая палата... / Говорить не можешь, губы горячи, / Над тобой колдуют умные врачи... Духотой спалённых губ не освежить... Открывает Валя смутные глаза...» [1, с. 198].

Вдобавок почти в первоначальном виде Анна Кардашова цитирует восточную мудрость «И это пройдёт»: «Катя плохо различает / Над собою голоса. // Только слышит: “Всё пройдёт...” / Продолжается обход» [4, с. 12].

Название пятой главки прямо указывает на негативную оценку Катиного поведения: «Катя капризничает»: «Каша! Каша! / Манная каша! / В каше сахарный песок, / В каше масляный глазок... // Повернулась Катя к стенке: / “Не хочу, на каше пенки!”» [4, с. 15, 16]. И вновь автор книги мастерски показывает наилучший выход из ситуации. Маленький ребёнок, самостоятельно осуществляющий нравственную рефлексию, – явление маловероятное и труднообразимое. Если из «неправильного» плача Катю успокоительными, «колыбельными» словами выводит мудрая нянечка, то из ситуации «капризного» отказа от неаппетитной, но полезной еды Катю в игровой форме выводит больничная сестра: «Тут сестра в косынке белой / К ней подружески под села. // Каша вкусная, густая, / Зря стоит дымится. / “Это каша не простая, – / Говорит сестрица. – / Каша-то целебная: / Кто поест – поправится. / Ешь, она волшебная, / Второе сил прибавится. / Разевай, Катюша, рот – / Ложка в рот к тебе плывёт» [4, с. 16]. Апелляция к волшебству вкупе с игровым приёмом побуждает Катю сменить «неправильное» поведение на правильное: «Катя кашу ела, ела – / Ложке стало мелко, / А потом и опустела / Катина тарелка» [4, с. 16]. В итоге правильное поведение Кати получает «одобрительную санкцию» от главного человека в больнице: «Доктор в двери заглянул. / Кате ласково кивнул. / “Молодчина! – говорит. – / У тебя хороший вид?”» [4, с. 17].

Итак, желание «беспричинно» плакать Катя преодолела с помощью больничной няни, капризный отказ в поедании «невкусной, но полезной» пищи Кате помогла преодолеть больничная сестра. Наступает искушение суккой, желанием праздника.

5. КАТЯ КАПРИЗНИЧАЕТ

Каша! Каша!
Манная каша!
В каше сахарный песок,
В каше масляный глазок.

Шестая главка называется «Катя собралась домой». В ней мы впервые видим «живую» Катю – видим её бытовые движения, замечаем её интерес к живой природе, узнаём, чем она любит заниматься, слышим доверительные интонации её речи. И с точки зрения точности конкретных деталей, и в собственно стихотворном отношении строки шестой главки самые лучшие в книге: «Вот проснулась Катя. / Как светло в палате! // Сквозь двойные рамы слышно, / Как щебечут воробьи. // Снег высокий, белый, пышный / Застелил в саду скамьи» [4, с. 18–19]. Прервём цитирование и отметим, что эти строки перекликаются со строками повести А.П. Чехова «Архиерей»: «Солнышко светилось в рыжих волосах Кати, девочки лет восьми. Сквозь двойные рамы слышно было, как шумели в саду грачи и пели скворцы». Совпадает имя героини, сад, свет, пение птиц и идущие подряд четыре слова – «сквозь двойные рамы слышно».

Продолжим цитирование: «И по самые макушки / Тонут ёлочки в снегу... / Катя села на подушке: / “Ждать я больше не могу!” // Носовой платок встряхнула, / Аккуратно завернула / Два своих карандаша / И куклѐнка-голыша. / А потом спустила ноги, / На холодный встала пол...» [4, с. 19].

Дальше начинается третья (после ситуаций с няней и сестрой) борьба медперсонала больницы с побуждениями Кати к нарушению больничных (следовательно, полезных для здоровья человека и потому нравственно поощряемых) норм поведения: «Смотрит – доктор на пороге. / Как же тихо он вошёл!»

На этот раз Катино поведение корректируется диалогом, который умело вытраивает доктор: «Говорит он: “Ты сначала / Ножки спрячь под одеяло, / Узелок свой развяжи... / Ну, куда ты, Расскажи?” // “Я в больнице слишком долго, – / Говорит она врачу, – / А у мамы скоро ёлка. / К маме, к бабушке хочу!” // Доктор ей сказал: “Ну что ж, / Вот окрепнешь и пойдѐшь! / Ну а ёлка в Новый год / К нам сюда сама придѐт” // “К нам сюда?” “К нам сюда!” / Вместе с лампочками?” “Да”» [4, с. 19–20]. Вняв убедительному доводу, Катя добровольно склоняется к «нравственному» (конформному) поведению: «Катя доктору кивнула / И спокойно развернула / Два своих карандаша / И куклѐнка-голыша» [4, с. 20]

7. СКОРО ЕЛКА

Выздоровливает Катя,
Ходит, лечит всех в палате,
Заставляет капли пить,
Помогает руки мыть,
Самых слабых кормит с ложки,
Всюду стряхивает крошки.
Петя тоже встал с постели.
Катя водит малыша.
Чтобы ноги не слабели,
Вместе ходят не спеша.

— Знаешь, скоро Новый год,
Ёлка к нам сюда придѐт! —

Итак, поднявшись при помощи няни, сестры и доктора на три нравственных ступени, Катенька не просто перестаѐт плакать, перестаѐт отказываться от полезной, но невкусной еды и перестаѐт рваться домой, но начинает выздоравливать (морально и физически) и сама становится примерной девочкой-тимуровкой, юным другом больничного персонала: «Выздоровливает Катя, / Ходит, лечит всех в палате, / Заставляет капли пить, / Помогает руки мыть / Самых слабых кормит с ложки, / Всюду стряхивает крошки. / Петя тоже встал с постели. / Катя водит малыша. / Чтобы ноги не слабели, / Вместе ходят не спеша» [4, с. 20–21].

Катя выздоравливает духовно-нравственно. Символическим рубежом её полного выздоровления является праздник ёлки (главка «Праздник»): «От ёлки пѐстрый свет разлился, / Стал разноцветным потолок, / И так волшебно изменился / В палате каждый уголок!.. // Вертись, вертись, пластинка, / Играй про зимний бор. / Позванивает льдинка, / Поѐт снежинок хор... // Музыку послушали, пирога покушали...» [4, с. 26].

Непосредственно доказать это нельзя, но на уровне ассоциаций и параллелей можно отметить следующее. Исходно ёлкой отмечался праздник Рождества Христова, соответственно, ёлка была рождественская, и праздник ёлки был рождественский. В 1928–

1929 гг. празднование Рождества и «рождественской ёлки» попало под запрет, а в 1935 году празднование ёлки было вновь разрешено, её стали именовать новогодней. В 1936 году на ёлке появился Дед Мороз. О какой ёлке в книге идёт речь, не вполне ясно. С одной стороны, Катя ждёт именно «праздника ёлки» («а у мамы скоро ёлка...»), то есть особой атмосферы, зрелища наряженного игрушками зелёного дерева. С другой стороны, доктор говорит Катя: «Ну а ёлка в новый год к нам сюда сама придёт». Звучит понятие «новый год», но, скорее, просто как календарный термин. Что же Катю интересует в ёлке? В советский праздник новогодней ёлки (в отличие от рождественской) с середины 1930-х годов входило появление Деда Мороза и Снегурочки, по команде которых зажигалась ёлка и которые дарили детям подарки. Ждёт ли их Катя? Нет. «Ну а ёлка в Новый год / К нам сюда сама придёт». – У нас сюда?» – «К нам сюда». – «Вместе с лампочками?» – «Да!». Иными словами. Катю волнуют не Дед Мороз и не подарки, а ёлка со светящимися огоньками.

Как бы то ни было, на праздничной ёлке в больнице ни Деда Мороза, ни Снегурочки, судя по описанию, не было. Предположим, доктор уехал к больному ребёнку и поэтому не мог исполнить роль деда Мороза. Но, в конце концов, роль Деда Мороза легко мог исполнить «усатый сторож», принёсший ёлку: «Дверь отворилась и вошёл / Усатый сторож с ёлкой...». Автор словно специально исключает всякого рода отговорки, мол, Деда Мороза на ёлке не было из-за отсутствия в больнице служащих мужского пола, кроме доктора, которые могли бы сыграть эту роль. Отметим, что роль Снегурочки легко могла исполнить та самая сестра, которая кормила Катю кашей с ложки... Доктор всё же, хоть и с опозданием, приходит на ёлку, дарит детям угощение, но при этом даже не пытается изображать из себя Деда Мороза: «У него полны карманы, / И чего в них только нет! / В них орехи, марципаны, / Мандарины и бананы / И с конфетами пакет».

Итак, в стихотворении наличествует христианская реминисценция – праздничная зимняя ёлка без явных признаков советской новогодней ёлки, тем самым ёлка, которая может быть интерпретирована как рождественская ёлка.

После рождественской ёлки следует и телесное возрождение выздоровление Кати и выписка её из больницы (главка «До свиданья, больница!»). Главка начинается опять полемической реминисценцией со «Смертью пионерки». Там – «Белая палата, / крашенная дверь... Валентине больше / не придётся жить», здесь – «Мама с бабушкой стоят / перед дверью белой: / Выпускают здесь ребят, / Вот какое дело!». И далее – триумф совместных усилий врачей и маленькой пациентки: «Вдруг тихонько дверь открылась / И Катюша появилась! // Врач ведёт её за ручку. / “Катя! Сколько радости!” / “Получите дочку-внучку / В целости, сохранности» [4, с. 29].

На наш взгляд, «Наш доктор» – это одно из лучших стихотворных произведений советской литературы. Автор проводит читателя-ребёнка вместе с Катей по всем кругам больничного... больничного образа жизни. Ребёнок, быть может, вначале воспринимавший попавшую в больницу девочку как книжно-дидактическую героиню в абстрактных условиях, узнаёт и Катю, и больничную жизнь всё более живо и конкретно, и когда прошедшая все моральные и телесные испытания, полюбившаяся читателю и за начальные капризы, и за последующее искреннее добродетельное Катя выходит из больницы физически выздоровевшей и морально окрепшей, читатель-ребёнок закономерно переживает нравственно очищающий катарсис. Ещё раз

отметим, что во всей книжке не встречается ни одной специфически советской политико-идеологической реалии. Одновременно, что важно для современной России, в ней полностью отсутствует как пропаганда идеи «всё должно быть оплачено», максимального заработка, прибыли, конкуренции, азарта, так и идеи «полюби сначала себя», идеи мещанского благополучия. Книга проникнута духом бескорыстного служения, причём не некоему абстрактному «обществу», а конкретным людям («Что ему холод, что ему ветер, если распухло горло у Пети! Зной или стужа, день или ночь – доктор торопится детям помочь»). Книга устроена таким образом, что ценность бескорыстного служения людям как бы «припрятана»: юный читатель следит за перипетиями судьбы заболевшей девочки, а попутно впитывает модель бескорыстного (гуманного, христианского) служения, представленного в поведении медперсонала больницы и – подробнее всего – в поведении доктора (рассматривая образ девочки, мы обходили страницы повести, описывающие быт доктора; так, пока дети в больнице праздновали Новый год, доктор «уехал» к заболевшему ребёнку «в дальний посёлок»).

Кроме ранее отмеченных реминисценций христианского характера (фразы «Всё пройдёт», праздничной новогодне-рождественской ёлки), можно упомянуть упоминание голубя, традиционно символизирующего в христианстве Духа Святого – одну из ипостасей Троицы: «А если крепко будет спать, / Скорей пойдёшь домой, / А там игрушку купит мать, – Спи, голубёнок мой» [4, с. 11].

Сюда же прибавим такое свойство больницы, как полное отсутствие отрицательных и недружелюбно друг к другу относящихся персонажей. В известном смысле, описанный в книжке «Наш доктор» мир больницы – это царство добра и милосердия.

На наш взгляд, данная книжка как искусно сочетающая высокое литературное качество, занимательность изложения и востребованные современностью нравственные императивы, заслуживает того, чтобы быть возвращённой как в воспитательную деятельность дошкольных учреждений, так и в массовую практику детского чтения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Багрицкий, Э.Г. Смерть пионерки / Э.Г. Багрицкий. – Текст : непосредственный // Советская поэзия 20-30-х годов / сост. О. Кузьмин. – Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1971. – С. 197-203.
2. Богданов, Н.В. Вечера на укомовских столах / Н.В. Богданов. – Текст : непосредственный // Богданов, Н.В. Избранное : в 2 т. – Москва : Детская литература, 1966. – Т. 2. – С. 179-322.
3. Кардашова, А. Наш доктор / А. Кардашова ; рис. Н. Цейтлина. – Москва : Детская литература, 1958. – 24 с. – Текст : непосредственный.
4. Кардашова, А. Наш доктор / А. Кардашова ; рис. Н. Цейтлина. – Москва : Детская литература, 1972. – 31 с. – Текст : непосредственный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

С.Б. Борисов, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: sbsborisov@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

S.B. Borisov, Doctor of Cultural Studies, Ph.D. in Philosophical Sciences, Professor, Department of Philology and Socio-Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: sbsborisov@mail.ru.